

Кодекс валькирий

1. Валькирия не должна использовать свои возможности в собственных интересах.

2. Никто из прежних знакомых валькирии не узнает ее. Валькирия не должна открывать никому тайны. Иначе тайна защитит себя сама, и всякий услышавший ее умрет.

3. Валькирия должна держать под контролем свои звериные и птичьи воплощения.

4. Валькирия должна любить всех одинаково, никого не выделяя, и не может быть счастлива в любви. Того, кто полюбит ее, ждет гибель.

5. Валькирия должна принять брошенный ей вызов. Кем бы и при каких обстоятельствах он ни был брошен.

6. Валькирию, которая нарушит любое из правил, ждет Суд Двенадцати.

Глава 1

HONORES MUTANT MORES¹

Бояться нет смысла. Все, чему суждено случиться, все равно произойдет.

Универсальный кодекс стражей

Одна минута тридцать секунд. Правая рука сдаётся. Почему-то всегда раньше левой. Я что, скрытый левша, что ли? Локоть начинает трястись.

Минута тридцать пять секунд. Пот заливает глаза. Левый локоть поддается дурацкому влиянию правого и тоже трясется. А ну стоять, я сказал!

Минута сорок. Дыхание сбивается. Костяшки пальцев болят. Правая рука согнулась уже почти на треть. Выпрямить ее удастся лишь огромным усилием.

Минута пятьдесят. Трясутся оба локтя. Хочется все бросить. Начинает прогибаться таз. Тело пытается найти дополнительную опору.

Две минуты. Секундная стрелка прилипла к часам. Уже ничего не болит, но ничего и не хочется. Дышать получается только носом.

¹ Почести изменяют нравы (лат.). Плутарх. Жизнь Суллы. С. 30.

Две минуты десять. Локти не просто трясутся. Это, по-моему, просто мышечная судорога. Секундную стрелку едва видно.

Две минуты тридцать. Воля истаивает. Желание сдаться становится навязчивым. Неужели две минуты сорок? Краткое торжество. Капля воды, упавшая на язык умирающему от жажды. Сплошное издевательство.

Две минуты пятьдесят. Вновь наваливаются слабость и безволие. Все ясно! Это заговор часов! Умрите же, ничтожные!

Мефодия захлестывает негодование. Он смотрит на часы с ненавистью. Стекло темнеет и лопается. Под часами внезапно обнаруживается светлая лужица растекшегося металла. Часы оплывают как на картине Дали и впитываются в трещину шербогатого паркета.

Досчитав до десяти (с каждым счетом руки все больше сгибаются), Мефодий перекатывается на бок — выставить колено и встать нормально нет сил — и долго лежит так, улыбаясь. Восьмые часы за два месяца. Отличный швейцарский хронометр стоимостью с автомобиль расплавлен негодующим наследником Мрака, который устал стоять на кулаках.

«Простоять на кулаках восемь раз по три минуты — это так просто. Особенно тому, кто никогда этого не делал», — сказал как-то Арей. Сказал и забыл. А Мефодий запомнил.

Ругая себя, Мефодий встает, подходит к столу и смотрит, сколько букв ему осталось. Одна, последняя. Он берет фломастер и записывает ее — «Л». Слово завершено. Вот оно, на бумаге, похожее на цепочку дохлых пауков:

ИНФАНТИЛ

Именно так три месяца назад, всплыв, назвала его Даф, и теперь Мефодий как плетью ежедневно подхлестывал этим словом свою слабеющую волю. С Даф они помирились, но все равно слово висело между ними в воздухе точно меч Дамокла — к слову сказать, стража четвертой категории, без права ношения регалий.

— Инфантил! — повторял себе Мефодий. — Инфантил!

И не важно, занимало ли слово «инфантил» почетное законное место в словаре или просто было обрубком прилагательного. Жалило оно больно. Знала ли Даф, что одним случайно сорвавшимся с языка словом она имеет все шансы выковать из обычного подростка достойного наследника Мрака?

Отныне Мефодий воспитывал волю ежеминутно. Он делал только то, чего ему не хочется, и, напротив, старался не делать того, чего ему ужасно хотелось. Например, клал на стол перед собой большую плитку шоколада и не прикасался к ней до девяти часов вечера. Или настраивал заклинание так, что оно будило его в половине шестого. Он просыпался и сразу рывком вставал, потому что вокруг было темно и серо и хотелось застрелиться, но остаться под одеялом. Внутренняя стрелка воли и энергии, которую он представлял себе всегда очень ярко и материально, прилипла к нулю.

Понукая себя, он быстро одевался и выходил на улицу на трехкилометровую пробежку. Первый километр давался туго, так как жутко хотелось спать, зато потом дело шло бодрее, и он возвращался в резиденцию проснувшийся и свежий. У дверей, напрашиваясь на пинок и получая его, околачивались обычно два-три

ранних комиссионера, принесшие Арею эйдосы. Куцая и страшная очередь.

Но случались и неудачи. Гнусные провалы воли. Порой бывало, что, уже натянув спортивный костюм, Мефодий совсем обессилевал. Внутренне махнув на все рукой, он падал на кровать и спал, спал, спал, пока его не будила Даф или Чимоданов не присылал к нему Зудуку, который, подкравшись, выпаливал из пистолета над самым ухом.

После каждого такого сбоя воли выгнать себя на пробежку на следующий день бывало вдвое сложнее. Как-то утром с Мефом увязалась Улита, бледная, с синими кругами под глазами, только что вернувшаяся из ночного клуба. Пропыхтела с километр и обратно в резиденцию вернулась на лимузине спешно вызванного Мамаю.

— Нетушки! Я и так развиваю волю. Не ем с двенадцати ночи до трех утра. Хватит! — сказала она, обрушиваясь на сиденье. Хан Золотой Орды услужливо захлопнул дверцу.

* * *

Закрыв тетрадь самоконтроля, в котором паучье слово «инфантил» появилось в восемьдесят шестой раз, Мефодий деловито огляделся. Он стоял в своей комнате на Большой Дмитровке, 13. Старый беззубый рояль у стены был завален книгами и тетрадами. Мефодий использовал его как письменный стол.

У книг стражей Мрака был непростой нрав. Ночами они нередко переползали с места на место, шурша страницами. Самой неприятной книгой, от которой

Меф с удовольствием избавился бы, была «История Тартара». Случалось, в полночь она окутывалась серебристым сиянием и из нее доносились ужасные вопли, скрип колес, лязг крючьев, которые пробивались даже сквозь подушку, натянутую Мефом на голову.

— Кто там кричит? — как-то спросил Меф у Арея.

— И всегда одним голосом? — уточнил Арей.

— Да.

— Трагикомическая история. Некогда книгу выкрал один маг, решивший постичь науку стражей. Зная, что просто так книга не позволит ему себя прочесть, он пошел на сделку — обещал ей свой эйдос, чтобы она позволила ему окунуться в ее премудрость. Именно так кудряво и звучало условие сделки. На этом он и погорел.

— И книга взяла эйдос?

— Само собой, в тот же миг. Только свое условие сделки выполнила своеобразно. Хочешь окунуться — окунайся. Она втянула бедолагу внутрь, и вот уже который век он путешествует по ее страницам. С одной картинке на другую. С виселицы на дыбу, а оттуда в какой-нибудь чан с жидким стеклом... — зевнул Арей.

Меф, наделенный не в меру живым воображением, передернулся:

— Но это же... гадко как...

Начальник русского отдела перестал зевать и посмотрел на него с холодным раздражением:

— Что-то я тебя не понимаю, синьор помидор! Ты уж определись как-нибудь: собираешься ли ты управлять Мраком или готовишь себя к высокому поприщу заведующего водокачкой.

Мефодий ничего не ответил, но в тот же вечер втайне от Арея вырвал из «Истории Тартара» страницу, где несчастный маг был подвешен за ребро на крюк, и сжег ее над свечой, наблюдая, как желтеет и сворачивается книжный лист.

— Я буду управлять Мраком, но так, как сам этого захочу! — сказал он, сдувая пепел.

Покалеченная «История Тартара» мстительно за-таилась. Новые страницы отрастали у нее ежедневно, появляясь уже заполненными, по мере того, как продолжалась история Мрака. Несчастный маг однако не вернул, ночные вопли прекратились.

* * *

Мефодий еще часа полтора просидел над книгами и, потянувшись, встал. Уф-ф! Выполнено все намеченное. Такое бывает не часто, и, значит, сегодня можно над собой больше не измываться.

Он открыл дверь и вышел в гостиную — помещение неправильной геометрии, напоминающее хорошо побитый четырехугольник. Справа — лестница вниз. Слева — комната Евгеша Мошкина. По диагонали — дверь Наты. Прямо напротив Мефодия, рядом с зеленым диваном (некогда на нем кого-то ласково придушили подушкой, без чего диван никогда не попал бы сюда) — комната Петруччо.

Даф, переехавшая от Зозо, жила выше, в мансарде. Вечерами оттуда доносились грустные звуки флейты, и комиссионеры, роня чернильные слюни, бросались писать доносы. Лигул бережно подшивал доносы в папку, однако хода им пока не давал. Придерживал до по-

ры. Даф нужна была ему для хитроумных комбинаций, которые он выстраивал, как шахматист дальновидно выстраивает партию.

Посреди гостиной у большого окна стоял Мошкин и сосредоточенно, одной силой мысли, выводил на стекле ледяные узоры. Получалось нечто причудливое, мало на что похожее. Точно задорное щекастое снежное лицо хотело заглянуть в окно и вдруг расплющилось о стекло. Последнее время Мошкин основательно увлекся рисованием на стекле и ледяными скульптурами. То, что на дворе был май, Евгешу мало волновало. При желании он смог бы рисовать изморозью даже на кипящем чайнике.

Евгеша был так увлечен, что не заметил Мефа. Заметив же, немедленно превратил рисунок в пар. Чаше Мошкин предпочитал рисовать изморозью у себя в комнате, но там окно было меньше, чем в гостиной. За десять месяцев, прошедших с тех пор, как Лигул выпустил Арея из Тартара, Мошкин стал выше и шире в плечах. Правда, привычку задавать вопросы в стиле «А я сегодня завтракал?» не утратил. Недавно ему исполнилось четырнадцать — столько же, сколько Мефодию, Нате и Петруччо, родившихся с ним в один день.

— Ну и зачем? По-моему, было неплохо, — с сожалением сказал Мефодий.

— Что, правда? — воспрянул Мошкин. Как многие небесталанные люди, он был бесконечно (и скрыто) самолюбив и одновременно столь же бесконечно не уверен в собственных силах.

— Угум, — кивнул Буслаев.

По лицу Евгешы он видел, что тот уже жалеет о том, что уничтожил рисунок.

— А я почему-то не люблю, когда кто-то смотрит. Хочется под пол провалиться! — сказал Мошкин с печалью.

— Прямо сразу и под пол? Так что же не проваливаешься? — поинтересовался Мефодий.

Технически это было вполне реально. Всего только и требовалось, что, сосредоточившись, мысленно начертить руну.

— Да ну... дыра в полу... дым... вонь... чинить заставят! — Мошкин грустно смотрел на растаявшую воду, стекавшую по подоконнику. Взглядом он собрал ее и отправил в стакан. — Ты не врал, что было неплохо? — спросил он недоверчиво.

— Класс! — заверил его Меф.

Мошкин был ему симпатичен, и он покровительствовал ему, защищая от наездов колючего на язык, вечно взъерошенного Чимодана. Под этим сугубо для личного употребления прозвищем давно таился господин Петруччо, творец, покровитель и друг контуженного по жизни Зудуки.

Кстати, именно его хитрая физиономия просунулась в эту минуту в пропиленный лаз из комнаты Петруччо. За поясом у Зудуки торчал неизменный пистолет. Мягкие же руки волокли коробку, подписанную «СахОр». Надпись была сделана фломастером, и эта деталь сразу насторожила Мефодия. Убедившись, что Буслаев на него не смотрит (Меф незаметно наблюдал за ним боковым зрением), Зудука с независимым видом подошел к его ногам, поставил рядом коробочку с «СахОром» и торопливо нырнул в свой лаз. Мефодий немедленно наклонился, поднял коробку, набитую, как оказалось, спичечными головками, и сразу обнаружил тлеющий

фитиль. Подождав, пока фитиль прогорит до половины, он присел, просунул коробку в лаз к Зудуке и стал караулить. Мгновение спустя запаниковавший вредитель вылетел в гостиную и сразу был схвачен за ногу ожидавшим этого Буслаевым.

— Ну что, Буратино, попался? Поиграем в игру «Однажды Карабас-Барабас купил циркулярную пилу»? — кровожадно предложил Меф.

Зудука, висевший вверх ногами, замотал головой.

— В другой раз, когда решишь меня взорвать, напиши на коробке «сол». Тогда, может, я поверю! — посоветовал Мефодий, отпуская его.

В комнате Чимоданова долгожданно полыхнуло. От взрыва открылась дверь. Ссутулившись, почти скорчившись — натуральная иллюстрация сколиоза, кифоза и лордоза — над маленьким столиком кардинала Мазарини склонился хозяин комнаты Петруччо. Он даже не оглянулся. Взрывы были для него делом привычным. За исключением тех случаев, когда Зудука минировал больше двух ножек его стула разом, Чимоданов не обращал на проделки своего монстра внимания.

Петруччо был занят самым увлекательным и самым графоманским занятием из всех существующих в подлунном мире — законотворчеством. Определенная склонность к этому была у Чимоданова и прежде. Теперь же из него активно выковывался сложившийся бюрократ — из тех, что мечтают о преобразованиях. Кроме законов в чистом виде он изобретал всевозможные постановления, правила и памятки, копии которых отсылал в Тартар Лигулу. На стенах комнаты, припиленные кнопками, висели бумажки в духе: «Проект улучшения работы Мрака (3 этапа)», «Компьютериза-

ция Канцелярии Тартара», «Создание единой базы данных по находящимся в умыке эйдосам», «Правила поведения темного стража в местах со светлой репутацией». Там же на стенах можно было обнаружить разрозненные листы из двух философских трактатов, принадлежащих тому же автору. Первый назывался «Может ли абсолютное зло подать милостыню нищему, если впоследствии это не приведет к роковым для Света последствиям?», а второй — «Становится ли серое черным без помощи извне?».

Читал ли Лигул присылаемые ему во множестве бумажки или нет, сказать не берусь. Однако если читал, то, скорее всего, был доволен энергией своего младшего служащего.

«Ему следовало бы запретить рождаться со мной в один день!» — со вздохом думал иногда Мефодий. С его точки зрения, Чимоданов куда больше подходил для управления Тартаром, чем он сам. Если допустить, конечно, что Мраку нужен Глава-чиновник, а не Глава-воин.

— Убирайтесь и закройте за собой дверь! Подчеркиваю: я занят! — сказал Чимоданов, не оборачиваясь и продолжая писать. Он писал и попутно обкусывал ноготь на большом пальце левой руки, должно быть черпая из него кальций пополам с вдохновением.

Мефодий посмотрел на его затылок, и ему захотелось запустить в него чем-нибудь в меру тяжелым.

— Нечего закрывать. Взрывать надо меньше, — сказал он.

Чимоданов поверил и, перестав писать, озабоченно обернулся. Дверь, хотя и потемневшая, висела надежно, в чем Петруччо и убедился.

— Очередная дебильная шуточка? Подростковый юмор и все такое? — спросил он с досадой.

Меф не стал вдаваться в подробности.

— Эйдос за испуг! Всего доброго! — сказал он и вернулся в гостиную.

Петруччо задумчиво посмотрел на обкусанный ноготь, проверяя, нет ли где перспективного кусочка для зубов. Мысли его щелкали четко и верно, как костяшки счетов. Даже не мысли, а целые блоки взаимосвязанных, крепко спаянных цепочек, где каждая предыдущая вела следующую за веревочку ассоциаций. Не исключено, что в голове его в данную минуту вызревал трактат на тему «Можно ли говорить «всего доброго» слуге Мрака и не будет ли пожелание «всего злого» слишком банальным и очевидным?»

Внезапно снизу из приемной раздался зычный голос Арея, созывавшего всех к себе. Мефодий вопросительно посмотрел на Даф, которая как раз спускалась по лестнице, ведущей с мансарды. На шее у нее, смиренный, как облезлый лисий воротник, висел Депресняк. Котик был сыт и настроен весьма благожелательно. Однако Зудука все равно на всякий случай юркнул за диван. Депресняка он побаивался.

— Ты слышала? Арей, похоже, вернулся, — сказал Мефодий.

— Похоже, да, — отвечала Дафна, сама порядком удивленная.

Накануне вечером, получив загадочное письмо, Арей помрачнел, собрался и сразу отбыл. Мефодий заметил, что кроме меча он захватил с собой еще и кинжал, который брал только в исключительных случаях. Зная, что Арей не любит ждать, все, включая Нату, появив-

шуюся из комнаты, поспешили в кабинет. Начальник русского отдела стоял рядом с Улитой и с довольным видом поигрывал складками плаща. Его дарх — длинная и узкая сосулька на цепи — сиял ярче, чем обычно. В нем ощутимо прибыло эйдосов — но откуда? Источник мог быть только один.

— Кто это был? — не выдержав, спросил Мефодий. Он знал, что Арей не терпит вторжений в свою частную жизнь, однако рискнул.

Барон Мрака привычно нахмурился, но настроение у него было хорошее, и он, поколебавшись, ответил:

— Малоприятный субъект с ледяным дыханием... Один мечник из Нижнего Тартара...

— Из Ни-и-ижнего? — переспросил Меф. Он примерно представлял, чего можно ожидать от Нижнего Тартара.

— Да. Восемьсот лет он не знал поражений, тренировался и, надо сказать, достиг немалых успехов. В падении он был совершенен, так совершенен, что порой забывал о защите. Это его в конечном счете и подвело, — поведал Арей ровным голосом.

По тону его было ясно, что к разговору о мечнике из Нижнего Тартара он больше не вернется.

Неожиданно Чимоданов издал короткое восклицание и сделал шаг назад, чтобы не наступить на красное расплзающееся пятно.

— Что это?

— Где?.. А, пустяки! Кажется, мне пора сменить бинт, — сказал Арей с досадой.

Он поднял руку. Все увидели, что от кисти до локтя она обмотана тряпкой, сквозь которую проступает кровь — багровая, жуткая, светящаяся в полумраке.

Даф с ее вечной потребностью помогать несчастным, угнетенным и больным бросилась к нему.

— Вы ранены? Я знаю отличную заживляющую маголодию! — предложила она с жалостью.

В глазах Арея мелькнула усмешка.

— Блестящая идея! Давно мечтал, чтобы Свет заштопал меня своей дудочкой... Да, кстати, а маголодии для увеличения роста тебе, случайно, не известны? Братская помощь малютке Лигулу, э-э? — поинтересовался он.

Даф вспыхнула.

— Я хотела как лучше. Просто помочь! Но если вы... если я... это гадко — так говорить!.. — и, задохнувшись от негодования, она отвернулась.

Арей смягчился:

— Извини. Беру свои слова назад. А рану мне зашьет Улита. Она отлично справится, тем более что рана не первая и не последняя... Но это, однако, забавно!

— Что забавно? — не поняла Даф.

— Забавно, до чего участливы те, кого сотворил Свет! Воображаю, что делается в Эдемском саду! Вся златокрылая стража в полном составе помогает муравьям перебираться с листика на листик. Бедный муравей! Он, может, никуда и не собирался, а его схватили и перенесли!

— Мы не помогаем насекомым! — рассердилась Даф.

— А вот это ужасно! Нет, вы подумайте: бросить в беде несчастных козявок! А если на них кто-то наступит?.. Да, всегда хотел спросить: какое наказание избирает себе страж Света, случайно раздавивший жука? Не изгнание, нет? — продолжал Арей.

— Стражи Света далеки от ехидства и злобы. Что бы ни случилось, они считают виноватыми лишь себя. И наказывают себя, а не других. Свою чашу боли и вины каждый из нас пьет сам, — сказала Даф.

Ее словесный выпад, скорее защитный, чем атакующий, попал в цель. Мечник Мрака помрачнел.

— Хорошо... — сказал он глухо. — Ты достойно ответила мне, светлая! Мою чашу боли действительно пьют другие. Да только каждую ночь она наполняется снова и снова... Однако я позвал вас не затем, чтобы обсуждать свои проблемы. Сегодняшняя ночь единственная в году, когда вы сможете узнать свою судьбу на ближайшие пару лет. И как, вдохновляет вас это?

Ната, на которую Арей посмотрел первой, пожалала плечами. Все, что не касалось непосредственно флирта или не имело к нему косвенного отношения, было ей глубоко неинтересно. Исключение составляли лишь вещи, связанные с уборкой в комнате (порядок — это святое!), и нестандартные кулинарные рецепты.

Ната отлично готовила и даже здесь, в резиденции Мрака, не удержавшись, обзавелась переносной плиткой на две конфорки. Продукты она использовала только обычные, магических же терпеть не могла. «Нет, вы подумайте: магическое молоко! Пятый день стоит — и ни фига. Скисло бы, что ли, для приличия! Почему бы не сказать, что этодохлое пастеризованное молоко отдохлой пастеризованной коровы!» — возмущалась она.

— Не слышу внятного ответа. В резиденции хранится некий предмет, первым владельцем которого был Синяя Борода. Вам что-нибудь говорит это имя? — спросил Арей.